

Об особенностях архитектуры и программ фресковой декорации монастырских церквей Новгорода второй половины XIV века

Т. Ю. Царевская

Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация
tsarevskaya_t@mail.ru

Для цитирования:

Царевская Т. Ю. Об особенностях архитектуры и программ фресковой декорации монастырских церквей Новгорода второй половины XIV века // Визуальная теология. 2024. Т. 6. № 2. С. 304–324. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2024-6-2-304-324>

Аннотация. При исследовании росписей новгородских монастырских храмов второй половины XIV века приходится сталкиваться с тем, что назначение внешних пристроек и отдельных внутренних компартиментов, их функционирование в богослужебном контексте всё ещё представляются нечётко. Такая неразработанность архитектурной «иконографии» дополнительных пространств осложняет понимание многослойности содержания росписей и их смысловых оттенков. Монастырские храмы Новгорода в этом плане бывали устроены весьма своеобразно и неодинаково, но имели тенденцию к редуцированию пристроек и, напротив, к увеличению западной части основного объёма. В статье делается попытка уточнить назначение этих пространств на примере новгородских загородных монастырских храмов, имевших роспись, и кратко охарактеризовать специфику фресковой декорации (там, где она сохранилась) исходя из полифункционального характера этих архитектурных частей и их символики. Более «учёная» программа росписи притвора церкви Успения в архиепископском Волотове монастыре служила своего рода увертюрой к декорации основного объёма и точно соответствовала началу вечерней службы на храмовый праздник Успения, наследуя традиции палеологовского ренессанса. Более демократичная программа притвора церкви Спаса в монастыре на Ковалёве, ктиторами которого были бояре, акцентировала тему связи исцеления тела и души со Спасением во Христе, указывая на приверженность местной традиции почитания и, вместе с тем, на знакомство с художественной культурой западных Балкан. Но, несмотря на различие традиций, декоративным программам притворов в равной степени свойственно приготовление входящего в основной объём храма как в мир средоточия Премудрости. Состав женских изображений в этих памятниках позволяет говорить о характере монастырей: в случае Волотова – мужского, Ковалёва – вероятно, смешанного. Особенность локализации монастырской тематики в росписи на хорах церкви ещё одного загородного монастыря – Рождества на Красном поле – обусловлена, на наш взгляд, спецификой монастыря, обслуживавшего большое кладбище.

Ключевые слова: древнерусское искусство, архитектура Великого Новгорода, средневековая монументальная живопись, фреска, храм, иконография, монастыри, литургическое пространство.

Architecture and fresco decoration programs in Novgorod's monastic churches

Tatiana Yu. Tsarevskaya

State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation

tsarevskaya_t@mail.ru

For citation:

Tsarevskaya T. Yu. Architecture and fresco decoration programs in Novgorod's monastic churches. *Journal of Visual Theology*. 2024. Vol. 6. 2. Pp. 304–324. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2024-6-2-304-324>

Abstract. Studying architecture and frescoes of Novgorod's monastic churches of the second half of the 14th century, one has to face the fact that the purpose of some annexes as well as internal compartments is yet unknown and their liturgical function remains unclear. Our insufficient understanding of 'architectural iconography' of these additional spaces complicates the interpretation of the murals with all their semantic nuances. Monastic churches of Novgorod had a tendency to gradually phase out external extensions while increasing the partitioning of the western part of the nave. In this article we attempt to clarify the purpose of these new spaces using the example of Novgorod's suburban monastic churches and to characterize the programs of their fresco decorations assuming multifaceted function of these extra spaces, including their symbolic significance. The iconographic program of the narthex in the Assumption Church in archbishop's Volotovo monastery served as a kind of a prelude to the decoration of the main space and corresponded to the beginning of the Assumption evening service following the traditions of Palaeologan Renaissance. A less 'theological' program of the narthex of the Church of the Savior in Kovalevo monastery whose ktetors were Novgorod boyars, emphasized the connection between the healing of body and soul with salvation in Christ, indicating adherence to local liturgical traditions as well as the influence of the Western Balkans' artistic culture. But, despite the differences in traditions, both decorative programs of the vestibules prepared the faithful for the entry into the main space of the church as into the House of Divine Wisdom. The character of female images in these monasteries correlated with the type of a monastery: Volotovo was a male monastery, while Kovalevo, most probably, was of the mixed type. An unusual location of the monastic theme in the painting of the choir of another suburban monastic church, Nativity in the Red Field, is, in our opinion, linked to the purpose of its associated monastery which served a large cemetery.

Keywords: old Russian art, architecture of Veliky Novgorod, medieval monumental painting, fresco, temple, iconography, monasteries, liturgical space.

Хорошо известно, что система средневековой храмовой декорации теснейшим образом связана с богослужебными функциями тех или иных пространственных зон церковного здания – алтаря, наоса, приделов – и их символическим значением. Дополнительные же, второстепенные пространства и помещения – хоры с их угловыми компартиментами, галереи, притворы – бывали, в силу их полифункциональности, более разнообразны по форме (и даже по необязательному наличию в храмовом ансамбле) и предоставляли большую свободу для творчества живописцев в разработке их декорации. В этих частях конкретнее проявлялись частные факторы, определяющие содержание росписей – ктиторский заказ, местные традиции, а главное – те специфические функции, которые выполняло такое помещение.

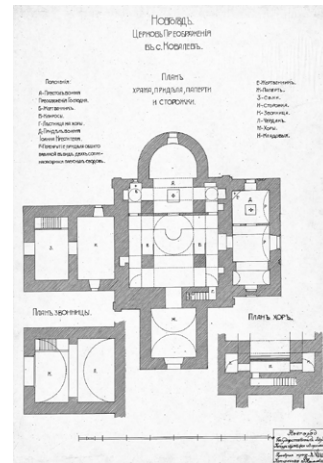
Обращаясь к изучению фресковой декорации новгородских монастырских храмов второй половины XIV века, имеющих внешние пристройки, нередко приходится сталкиваться с тем, что назначение этих пристроек, а также отдельных компартиментов основного объёма и их функционирование в богослужебном контексте не всегда определены либо представляются нечётко и неполно. Недостаточная разработанность архитектурной «иконографии» дополнительных помещений¹ нередко осложняет понимание многослойного содержания росписей и богатства их смысловых оттенков.

Монастырские храмы Новгорода рассматриваемого периода, в отличие, например, от афонских [Милонас 1995], в этом плане бывали устраиваемы весьма своеобразно и неодинаково. Представления об особенностях их архитектуры преимущественно ограничиваются констатацией очевидных черт – более скупой декорации фасадов, камерности интерьера, особенно располагавшей к углублённой сосредоточенной молитве, более скудной системы освещения, сводившейся к резким световым контрастам, в чём усматривалось общее умонастроение эпохи споров о природе Фаворского света [Седов 2000, 61]. Между тем, назначение внешних пристроек и их видоизменение, как и эволюция западной зоны основного объёма, представляют существенный материал для размышлений. В данной статье мы не ставим задачей решить эти вопросы, но попытаемся уяснить, какую информацию для содержательной стороны росписей можно извлечь, принимая во внимание специфические особенности назначения некоторых второстепенных храмовых пространств монастырских церквей Новгорода второй половины XIV века.

Ряд монастырских храмов, сохранивших (или сохранявших до разрушений военных лет) древние росписи, открывает памятник, построенный даже несколько раньше интересующего нас периода, в 1345 году [ПСРЛ 2000 г, 77], но примыкающий к нему и способный внести некую упорядоченность в понимание «иконографии» храмовых пристроек – церковь Спаса на Ковалёве (ил. 1–2). Её архитектурный тип оценивается исследователями как переходный, когда в Новгороде ещё шёл активный поиск форм на пути создания оптимального – и в плане утилитарном, и в эстетическом – монастырского храма [Каргер 1961, 34–35, 258–260; Седов 2000, 49, 54]. Изначально церковь имела лишь две пристройки, перекрытые коробовыми сводами, – северную и западную; пространная

¹ Одно из немногих исследований, посвящённых этой проблеме, – статья Вл. В. Седова [Седов 1990], однако в ней внимание сосредоточено на организации внутреннего пространства новгородских церквей, но не рассматриваются особенности иконографии внешних пристроек.

южная, под тремя коробовыми сводами – усыпальница бояр Жабиных – появилась позднее, в 1360–1370-е годы [Секретарь 2011, 331], незадолго до росписи (1380), – по крайней мере, в ней были выявлены археологические фрагменты стенописи XIV века² и, возможно, изначально был устроен придел, упоминаемый в письменных источниках как Благовещенский [Опись 1984, 327]. Таким образом, к моменту росписи храм обрёл малые объёмы с трёх сторон и в этом в какой-то мере визуально приблизился к объёмно-пространственной композиции домонгольских храмов с тремя притворами, известных в Новгороде по церкви Параскевы Пятницы на Торгу.

Ил. 1. Новгород. Церковь Спаса Преображения на Ковалёве.

Из альбома «Виды новгородских церквей». 1850-е – 1860-е гг. РГБ. Л. 52 (слева)

Ил. 2. Церковь Спаса Преображения на Ковалёве.

План первого и второго этажей. Бумага, картон, тушь; чертёж пером. 1945.

НГМ КП 8375/5 ОПИ/ЧК-114 (справа)

Назначение его северной пристройки до сих пор не выяснено. Это сооружение имело собственный вход, но никогда не сообщалось с основным объёмом. Кроме того, оно перегорожено на две части поперечной стеной с дверным проёмом и разделено на два этажа деревянным накатом. Над входом находится арочный проём звонницы, которая тут была, видимо, изначально [Седов 2000, 51]. Постройка, по-видимому, никогда не была расписана и, как предполагается, имела хозяйственное назначение [Секретарь 2011, 335]. Судя по наличию печной трубы на зарисовке середины XIX в. (ил. 1) и довоенных фотографиях, по крайней мере, в позднейший период она была тёплой. Однако её сложное устройство позволяет предполагать изначально нечто особенное. В «Росписи новгородских монастырских церквей» 1615 года значится: «Монастырь Ковалева, а в нем храм Преображение Христово; да в трапезе Никола Чудотворец, придел Благовещенье Христово» [Опись 1984, 327]. Из этой записи совсем не очевидно, что трапеза с пре-

² Так предполагал И. С. Романцев, обследовавший южный притвор в 1908 г. [Романцев 1908, 78–79].

столом во имя Николая Чудотворца представляла собой отдельно стоящую церковь, как полагают сейчас [Секретарь 2011, 333], поскольку в «Росписи» о ней упоминается ещё до Благовещенского придела (который, как отмечалось, примыкал к церкви с юга), а потому можно предположить, что под трапезой с престолом Николая Чудотворца подразумевается северная пристройка. Отдельно стоящие церкви-трапезные появляются в Новгороде уже после введения монастырского общежития в 1528 году. Но как обстояло дело до того? – вопрос не разработан.

Из летописей мы узнаём, что «прежде того токмо велиции монастыри во общины быша и по чину; а прочии монастыри, иже окрест града, особь живущи, и койждо себе в келиях ядяху и всякими житейскими печальми одержими бяху» [ПСРЛ 2000 б, 545]. Софийская первая летопись называет монастырь на Ковалёве в числе «великих», сожжённых новгородцами в 1393 году при наступлении Дмитрия Донского [ПСРЛ 2000 в, 488]; кроме того, известно, что обитель была весьма состоятельной [Секретарь 2011, 331], а потому не исключено, что некое помещение для общей трапезы, свершаемой в праздничные дни, всё же имелось, и это помещение проще всего было пристроить к храму, а не создавать отдельное. Добавим, что прежде утверждения чина возношения пангии (в византийских общежительных монастырях его введение происходило в течение XIV века, а в Новгороде – с вероятным запозданием, надо полагать, к XV веку), после литургии практиковался старинный обычай сбора по окончании трапезы укрупов (оставшихся от трапезы кусков хлеба), их благословения и раздачи нищим [Желтов 2019, 385], то есть, сама трапеза где-то всё же происходила, и для этого могла предназначаться именно северная пристройка. Заметим, что одна из первых известных монастырских трапезных палат была действительно пристроена с северной стороны к церкви Иоанна Милостивого в Воскресенском монастыре на Мячине (1420-е гг.) [Секретарь 2011, 36, 47]. Если наше предположение верно и Ковалёвская пристройка была действительно монастырской трапезной под звонницей, её размеры позволяли свободно разместить состав насельников, которых, согласно летописному свидетельству, «в лучших» монастырях проживало «шесть или семь чернцов» [ПСРЛ 2000 б, 545]. Выскажем также осторожное предположение, что разделение помещения на две половины могло быть обусловлено изначально (до реформы 1528 года) смешанным характером обители. О существовании в Новгороде совместных монастырей мужчин и женщин свидетельствует послание новгородцам митрополита Фотия, в котором он писал: «Если в каком монастыре находятся чернцы, таки бы черницы не были; но чернецы жили бы себе в монастыре, а черницы в особом монастыре...» [ААЭ 1836, 462]³. Возможно, не случайно в числе ктиторов росписи, чьи имена запечатлены в храмовой летописи, располагавшейся внутри храма над его западным порталом, значатся Офанасий Степанович и его «подружа» Мария [Греков 1987, 67; Лифшиц 1987, 503].

³ Косвенное свидетельство о том содержит также летописное сообщение, появившееся в связи с введением архиепископом Макарием в 1528 году общежительного устава: «а прежде бо сего въ техъ монастырехъ жили игумены и черницы, и архиепископъ повеле отвести игуменовъ въ мужский монастыри, а черницамъ вѣдѣть игуменій благочиния ради» [ПСРЛ 2000 б, 545]. Известно также, что в некоторых русских монастырях свободно жили миряне с жёнами и детьми, что подверглось осуждению Стоглавого собора [Емченко 2000, 265].

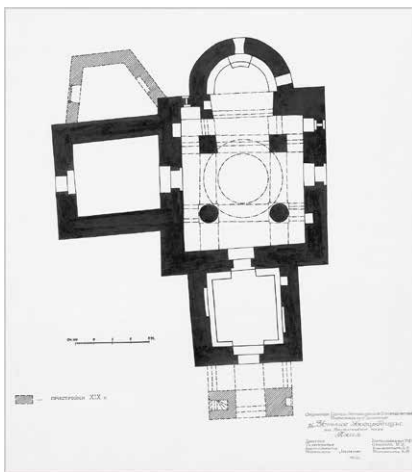
Небольшая западная пристройка в церкви Спаса на Ковалёве была действительно притвором, типичным для новгородских храмов того времени, и служила таковым с самого начала и расписана одновременно с основным объёмом в 1380 году [Греков 1987, 67; Лифшиц 1987, 503]. Известно, что притворы и паперти во время богослужения служили местом для «плачущих» – кающихся, временно отлучённых от причастия [Вениамин 1999, 28–30]; однако для монастырского храма такое назначение было менее актуально, чем для приходского, обслуживавшего мирян. В афонской традиции в них свершались литии и водосвятие, а в нартексе кафоликона монастыря Хиландар, например, после 1319 года, согласно типичу архиепископа Никодима, свершали и панихиды, а также практиковался византийский обычай совершать омовения для монахов [Бабић 1978, 112]. В русской традиции в таких притворах устраивались угощения для нищих и паломников по случаю праздника или поминовения усопших – эта практика перекликалась с византийской традицией совершать после богослужения раздачу всем присутствовавшим на службе евлогий (греч. *εὐλογία* – благословение) – т.е. благословлённых хлеба, воды и елея, а в некоторых монастырях возле дверей нартекса происходило распределение даров монахам, приуроченное к определённым празднованиям и дням памяти ктиторов [Tomeković 1988, 146–147, 152]. Вместе с тем, из притвора начиналось богослужение – входные молитвы, малое повечерие и полунощница, службы 1-го и 9-го часа, в канун праздника – чтение паремий причастия [Вениамин 1999, 32].

Ещё одна черта, на которую хотелось бы обратить внимание, – устройство западной трети основного объёма. Она в Ковалёвской церкви несколько увеличена по отношению к восточной и традиционно разделена на два яруса, верхний из которых, куда ведёт лестница в толще западной стены и который открыт в своей средней части в интерьер в виде галереи, известен как хоры⁴. Назначение этого пространства в монастырских храмах остаётся не совсем понятным⁵. Византийская традиция называет эту часть катихуменами и связывает с церковными сановниками, которые здесь иногда служили [Тодић 1988, 135]. Сюда, согласно византийскому обычаю, так называемому «катихумену», по завершении воскресной архиерейской службы восходил архиерей и осенял молящихся крестом. Обычай этот, по мнению русского историка церкви М. А. Лисицына, был известен и практиковался в Новгороде в ранний период, где долгое время господствовал Устав Великой Церкви [Лисицын 1911, VII, 31]. Однако насколько это действительно имело место в новгородских монастырских храмах, остаётся неясным. Усомниться в таком назначении позволяет форма лестниц, ведущих на второй ярус, нередко чрезвычайно крутых и узких и едва ли пригодных для торжественного восхождения архиерея в длинном облачении – человека, как правило, преклонных лет.

⁴ В больших княжеских домонгольских соборах это просторные помещения на каменных сводах – хоры, предназначенные для размещения знати во время богослужений.

⁵ По мнению С. В. Заграевского, хоры не имели никакого специального предназначения и были самодостаточным архитектурным феноменом, «самодостаточным традиционным элементом церковной архитектуры и играли роль дополнительных помещений универсального назначения. Фактически хоры были «антресольным этажом» храма» [Заграевский 2010, 182, 193].

Не всегда ясны и функции угловых палаток – как правило, более или менее изолированных от центральной части хор. Иногда в них устраивались два придела «на полатех» [Янин 1976, 108–117; Андреев 1989, 219–223; Седов 1990, 111]. Однако в церкви Спаса на Ковалёве эти обособленные каморки совершенно лишены окон, погружены в глубокий мрак, который можно было рассеять только свечами [Седов 2000, 61] и, судя по всему, никогда не были расписаны. Такое сугубо аскетическое решение их пространства кажется намеренным. Не исключено, что эти помещения были сродни «малым кельям» – исихастериям⁶ и предназначались для уединённой молитвы. В дальнейшем – уже в церкви Успения на Волотовом поле, как увидим далее, – от такого архитектурного решения откажутся, однако в тематике росписи угловых палаток на хорах найдёт отражение эта аскетическая традиция.

Ил. 3. Церковь Успения на Волотовом поле.

Из альбома «Виды новгородских церквей». 1850-е – 1860-е. РГБ. Л. 51 (слева)

Ил. 4. Церковь Успения на Волотовом поле. Чертёж. План. 1961.

Л. Е. Красноречьев, исп. В. М. Мельникова. НГМ КП 14567/1 ОПИ/ЧК-37 (справа)

Волотовский монастырь, как основанный архиепископом Моисеем, надо полагать, причислялся к «лучшим». К основному объёму церкви Успения (1352), по-монастырски лаконичному и, вместе с тем, на удивление аристократически изящному, примыкают две пристройки (ил. 3–4). В их устройстве наблюдается некое сходство с первоначальной композицией Ковалёвской церкви. Однако северная пристройка, также имеющая внешнюю дверь, на сей раз уже непосредственно сообщается, наподобие притвора, с основным объёмом. Как и в Ковалёве, в её верхней части, вероятно, была устроена звонница, которую позднее сменила колокольня [Трифонов 2002, 14]. В Волотове существовало предание, что здесь когда-то находилась трапезная [Макарий 1860, 573]. Действительно, в XVII веке в монастыре числилась Никольская трапезная цер-

⁶ Такого рода помещения для уединённой молитвы известны в XIII–XIV вв. в храмах Сербии, например, в церкви Вознесения в Жиче [Čurčić 2006, 493].

ковь с колокольной [Опись 1984, 7–9], которая, вероятно, и ранее располагалась именно в этой пристройке [Трифонов 2002, 14]. Таким образом, предположение о функции Ковалёвской северной пристройки, по аналогии с Волотовской, представляется правомерным.

Западная же пристройка Волотовского храма была именно притвором. Проходя через удивительно узкий снаружи, но изнутри довольно широкий – за счёт перспективно отступающих уступов – вход («ибо очень тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» – Мф 7:14), посетитель оказывается в небольшом прямоугольном помещении без окон, перекрытом коробовым сводом. Вдоль стен тянутся каменные лавицы, предполагавшие возможность длительного присутствия в этом помещении. Обе пристройки были расписаны⁷.

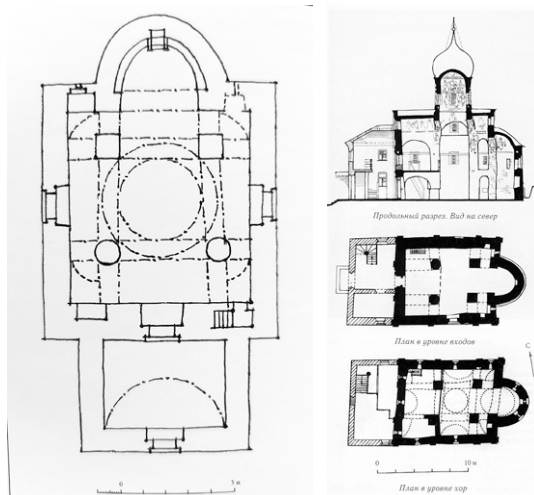
Западная треть основного объёма здесь, как и в Ковалёвской церкви, несколько увеличена; но закруглённые на высоту человеческого роста столпы делают зону под хорами ещё более слитной с высоким подкупольным пространством. На хорах же угловые каморки под коробовыми сводами имеют двойственный характер – это узкие вытянутые по высоте компартименты, которые, в отличие от Ковалёвских замкнутых, открываются в наос довольно высокими арками и, кроме того, образуют с пространством хор достаточно однородную зону.

Много общего с Волотовской церковью имеет построенная тремя годами позже, в 1355 году, церковь Михаила Архангела на Сквородке, также основанная владыкой Моисеем (ил. 5). Не исключено, что и в храме на Сквородке было две пристройки: древний притвор с запада и ещё один, подобный Волотовскому: «Роспись новгородских монастырей» упоминает о трапезе с деревянным храмом Николая Чудотворца [Анкудинов 2008, 376], а Опись 1730 г. говорит о двух приделах, один из которых как раз Никольский [Описи 2017, 118–119]. В 1736 г. с северной стороны был построен придел св. Николая. Большинство форм этих двух храмов совпадает, в том числе притвор с запада, круглые столбы в западной части, деревянные хоры-настил над западной третью, в которых, однако, нет столь характерных новгородских угловых палаток [Седов 1999, 264]. Симптоматичны некоторая укороченность, по сравнению с Волотовым, западного притвора и притом увеличение западной трети основного объёма.

Наконец, четвёртая по времени появления – церковь Рождества на Красном поле, построенная в 1381–1382 годах в монастыре при скудельнице [НЛ 1879, 243; ПСРЛ 2000 6, 326] (ил. 6). О ней в Росписи 1615 года говорится: «Храм камен Рождество Христово, да трапеза древяна» [Анкудинов 2008, 377]. К восточной части южного фасада этой необычайно лапидарной постройки примыкал небольшой склеп. Каких-либо следов существования притвора не выявлено; организация ниш на западном фасаде, с фресковой росписью, позволяет предполагать, что его изначально и не было. По-видимому, его роль выполнял сильно увеличенный западный трансепт. Что же касается его верхней части – это просторные хоры, продолжением которых служит открытая северная ячейка, где находится лестничный люк, и изолированная от подкупольной зоны южная камора, по-види-

⁷ О том, что изначально был расписан и северный притвор, свидетельствует фрагмент орнаментального фриза, обнаруженный в нём в 1849 году Г. Д. Филимоновым. Сохранилась зарисовка, сделанная тогда же архитектором А. А. Авдеевым, им же позднее опубликованная [см.: Вздорнов 1989, 339].

мому, служившая приделом (время его освящения и посвящение – неизвестны⁸), – о том свидетельствуют остатки ниши жертвенника в толще юго-западного столба.

Ил. 5. Церковь Архангела Михаила на Сковородке. План. Л. Е. Красноречьев. 1951 (слева)

Ил. 6. Церковь Рождества Христова на Красном поле. Продольный разрез и план (справа)

Как видим, все постройки достаточно индивидуальны, но имеют очевидную тенденцию к перенесению акцента с внешних пристроек внутрь основного объёма, на развитие его западной зоны. Справедливости ради следует отметить, что увеличение западной трети интерьера наблюдается и в некоторых приходских церквях – Феодора Стратилата и Спаса на Ильине, однако там это обусловлено устройством на хорах двух приделов, рассчитанных на посещение целых ктиторовских семейств, а в случае церкви Феодора Стратилата – ещё и крещальни под хорами. Что же до фресковой декорации, то различия здесь между монастырскими и приходскими храмами, надо полагать, были куда более существенны, однако судить об этом мы можем только по росписям западных частей основного объёма, поскольку до нас не дошёл ни один из первоначальных притворов городских приходских храмов, тем более – их росписи.

Тем не менее, попытаемся кратко охарактеризовать традицию декорации этих частей в новгородских монастырских храмах.

В Волотовской церкви, расписанной ранее других⁹, фресковая декорация притвора служила своего рода увертюрой к основному объёму. Она на редкость точно соответствовала началу вечерней службы на храмовый праздник Успения

⁸ ОПИ НГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 734. 1951. Л. 1–1 об.; Д. 756. 1977. Л. 11–12.

⁹ В отличие от Г. И. Вздорнова, датировавшего роспись 1380–1390-ми гг. [Вздорнов 1989, 94–97], считая, что летописная дата росписи 1363 годом [ПСРЛ 2000 а, 368] относится ко всему ансамблю Волотовской стенописи. Эту же дату подтверждает работа Л. Е. Красноречьева [Красноречьев 1977, 149–152], её же приняли А. И. Комеч, Т. А. Сидорова, Л. И. Лифшиц, Э. С. Смирнова, В. Д. Сарабянов, А. С. Преображенский и др.

[Гордиенко 2017, 288]. Фрески последовательно разворачивали серию ветхозаветных сюжетов, которые иллюстрировали три паремии на Успение. Если храм – это, в толковании Симеона Солунского, небо, то притвор символизировал землю, так как стоящие в нём пребывают на земле как ещё не родившиеся в жизнь духовную, и им ещё не отверзлись селения небесные [Симеон 1856, 183]. Здесь, как в преддверии, когда ещё не открыта входящим во всей полноте благодать Неба – Христовых Таинств, предвозвещается тайна Воплощения, которая являет себя в ветхозаветных прообразах Богородицы. В росписи Волотовского притвора Богоматерь прославлялась как Лествица, Врата Затворенные и Дом Премудрости. Размещённые же на обеих стенах притвора между регистрами ветхозаветных сцен двенадцать медальонов с образами сыновей Иакова – родоначальников колен Израилевых – это те двенадцать патриархов, от которых «восходит звезда от Иакова и восстаёт жезл от Израиля» (Чис 24:17) – Богородица и Христос. Экзегетическая традиция рассматривала двенадцать патриархов в качестве ветхозаветного, «дозаконного» прообраза новозаветной церкви [Порфирьев 1877, 59–60]. Эта часть декорации находилась в русле возросшего на протяжении XIII – начала XIV века интереса к теме генеалогии Христа, выразившейся в Сербии и Салониках в появлении композиции «Древо Иессеево»¹⁰, которая чаще всего размещалась в нартексе или боковой галерее. Литургические стихи воспевают Богородицу как «ветвь от корня Иессея и Христа, как цветок его». И, в соответствии с этими поэтическими эпитетами, как апофеоз предвозвещённого в Ветхом Завете чуда Воплощения Мессии, в центре свода, в изысканном переплетении прекрасных цветов и побегов, широкой лентой протянутых через всю шельгу, был размещён в медальоне главенствующий мотив росписи притвора – образ Богоматери с Младенцем в изводе Воплощения. Ветхозаветным префигурациям Богородицы и Христа в Волотовском притворе вторили образы новозаветные – «Встреча Марии и Елизаветы» (тема «Врат затворенных») и «Воскресение» (точнее, эпизоды «Жены-мироносицы у Гроба Господня» и «Явление Христа Марии»), – сцена, которая обыгрывала тему «дня восьмого», упоминаемого во второй паремии. Важный нюанс: надпись над пустым разверстым саркофагом «ГР<о>БЪ Г<оспode>НЪ» в сцене «Воскресение» располагалась посредине композиции, строго по центральной оси над входом, и достаточно отчётливо читалась на фоне скалы (ил. 7). В этом видится не простая случайность, но глубинная аллюзия на расположенный за дверью храм как на величайшую христианскую святыню – Гроб Господень, вход в который охраняют архангелы – едва ли не самые знаменитые и прекрасные волотовские образы.

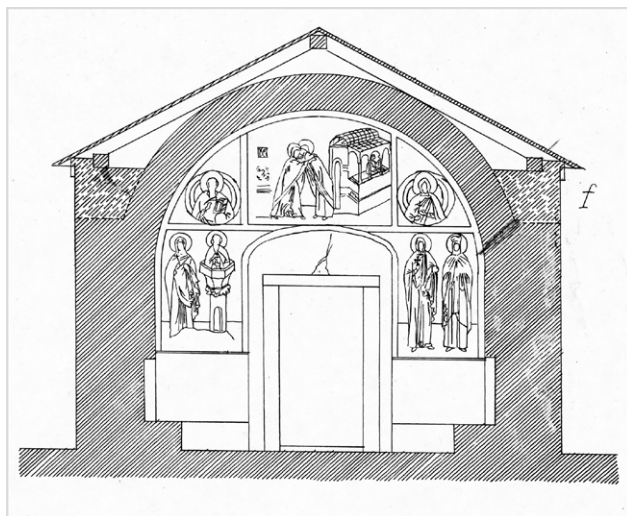
Изображение святых жён у входа в западной части притвора (ил. 8), как и их чрезвычайно малое число относительно всех единичных святых в храмовой росписи – согласовалось со строгим уставом мужской обители, куда женщины допускались лишь в большие праздники, причём не далее притвора, как и все недостойные – кающиеся: им у прохода в пространство самого храма предстояли те самые монументальные фигуры архангелов Михаила с мечом, и Гавриила с огромным переливающимся зеркалом, в котором отражаются тайные помыслы

¹⁰ Один из самых ранних примеров – в церкви Рождества Христова в Вифлиеме, около 1169 г. [Бабић 1978, 116–117].

входящих под своды храма [Малков 1980, 152; Вздорнов 1989, 57; Царевская 2007, 301–302]. В этом отношении мы видим принципиальную разницу с декорацией приходских храмов: в церкви Спаса на Ильине встречаем несколько уцелевших изображений святых жён, которые размещены под хорами, то есть, в той зоне, которая во время богослужений отводилась для женской части прихожан, допущенных к причастию. В церкви Феодора Стратилата их было не менее десяти [Царевская 2007, 162–165], притом, что характерно, большие фигуры архангелов также перенесены в основной объём и изображены на боковых гранях западных столбов, словно ограждая приближённое к алтарю подкупольное пространство от женской части прихожан.

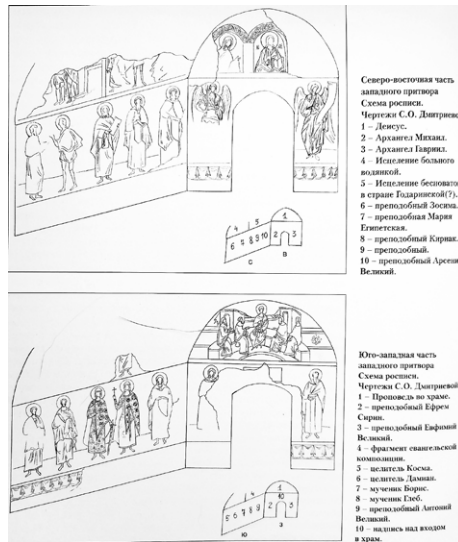

Ил. 7. Явление Христа Марии. Жены-мироносицы у Гроба Господня.
Роспись восточного люнета притвора церкви Успения на Волотовом поле. 1363.
Фото Л. А. Мацулевича. 1910

Ил. 8. Схема росписи западной стены притвора церкви Успения
на Волотовом поле. 1363. Чертёж В. В. Суслова. 1894

О декорации северного помещения Волотовской церкви – по-видимому, действительно трапезной, – можно лишь сказать, что она всё же в каком-то виде, вероятно, существовала уже в XIV веке, судя по зарисованному в XIX веке орнаментальному фризу; но фриз этот не имеет ничего общего с орнаментами основного объёма и западного притвора. К началу XX века фрагмент этой росписи уже был утрачен, но на основании зарисовки А. А. Авдеева¹¹ Л. А. Мацулевич с уверенностью датировал орнамент XIV веком [Мацулевич 1912, 23]. Типологически он похож на те фриз, которые разделяют регистры росписи в церкви Рождества на Поле [Орлова 2004, 185–187, 408–413].

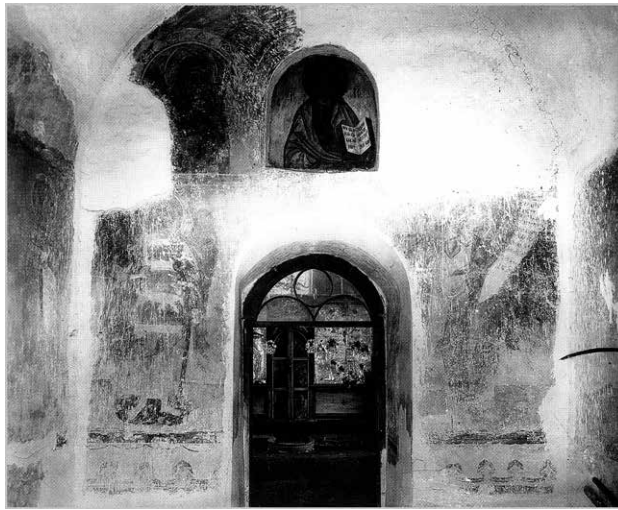

Ил. 9. Схема росписи притвора церкви Спаса Преображения на Ковалёве. 1380

Традиция, оформившаяся ещё в средневизантийский период в западной части основного объёма и в нартексах, отдавала предпочтение образам преподобных, чей аскетический подвиг предполагает исход в пустыню, в уединение, с которым отождествляются западные части храма [Томековић 1989, 323–324; Геров 2022, 230–232]. Чаще всего здесь изображали шеренги преподобных, которые дополняли сценами с монашеской тематикой – «Вручение устава Пахомию Ангелом», «Причащение Марии Египетской». В Волотовской церкви западная часть под хорами была насыщена именно такими сценами, дополненными большой и чрезвычайно редкой для стенописи композицией, иллюстрирующей сюжет из Пролога, – знаменитой «Притчей о некоем игумене, его же искуси Христос во образе нищего». Единичные фигуры преподобных нашли место на хорах. Среди них два анахорета – Макарий Египетский и Онуфрий Великий, чьи крупномасштабные обнажённые аскетические фигуры хитроумно вписаны в западные прясла двух угловых ячеек на хорах, тем самым превращая эти помещения в некое подобие пещерного уединения отшельника. В этом нельзя не усмотреть

¹¹ См. примеч. 7.

своеобразную смысловую параллель с каморками (приделами? исихастериями?) на хорах церкви Спаса на Ковалёве. Эта традиция, по-видимому, в основе своей зародившаяся в монастырских храмах, привилась и в приходских храмах Новгорода: в церквях Феодора Стратилата на Ручью и Спаса на Ильине угловые помещения на хорах интерпретировались именно как места пребывания отшельников (столпы, пещеры), о чём свидетельствует программа их росписи, целиком сосредоточенная на теме аскезы [Царевская 2007, 145–152].

Ил. 10. «Деисус» в люнете восточной стены притвора церкви Спаса Преображения на Ковалёве. 1380. Довоенная фотография. Фотоархив ИИМК

Церковь Спаса на Ковалёве даёт иной вариант программы росписи притвора и западной части основного объёма. В ней нет той стройной логической ясности и соотнесённости с ходом богослужения в росписи притвора, как в Володове; иными принципами руководствовались мастера и в декорации помещений под хорами. Верхние глухие и тёмные палатки, как отмечалось, и вовсе не были расписаны. Изображения преподобных в этом храме в целом были исключительно многочисленны, причём в притворе их фигуры составляли основную часть нижнего яруса росписи (ил. 9). Надписи на их свитках посвящены борьбе со страстями [Дмитриева 2011, 176] – в этом очевиден дидактический посыл, руководство для вступающих в храм, которые должны оставить мирское за его пределами либо погрузиться в размышления о чистоте своих действий и помыслов. Несколько выбиваются из этого ряда две пары иных чинов святости – целители-бессребренники Козьма и Дамиан и князья-страстотерпцы Борис и Глеб. Как известно, обе святых «двоицы» входили в пантеон наиболее почитаемых в Новгороде святых. Выбор целителей акцентирует всю глубину связи исцеления тела и души со Спасением во Христе, заявленной евангельскими сюжетами исцелений, размещавшимися выше, на сводах притвора. Появление здесь же святых князей Бориса и Глеба пока остаётся загадкой, но, несомненно, объяснение следует искать в их исключительном почитании в Новгороде.

Центральное положение в росписи притвора занимает «Деисус» в люнете восточной стены, над проходом в храм (ил. 10) – своеобразный иконостас для входящих, имеющий параллели в росписях притворов южных славян [Бурић 1985, 90]. Ниже, как и в Володове, вход в основной объём охраняли монументальные фигуры архангелов, а на противоположной, западной стене притвора в люнете над входом размещалась новозаветная сцена «Проповедь двенадцатилетнего Христа во храме», которая символизировала зарождение в недрах Ветхозаветного храма Церкви Новозаветной, источника Премудрости, где Христос есть сама Премудрость. Сцена эта одновременно и открывала для жаждущих Премудрости вход в Ковалёвский храм, и логически завершала пребывание в нём, осеняя собой исходящих после службы.

Ил. 11. Благовестие Захарии. Благовестие Иоакиму и Анне. Роспись северного склона западного свода церкви Рождества Христова на Красном поле. Ок. 1390

Западные помещения под хорами, вполне в русле широкой монастырской традиции, были отведены образам преподобных, в выборе которых исследователи усматривают отражение различных способов подвижничества и степеней монашеского делания [Дмитриева 2011, 193] и – через дидактические надписи на свитках – осуществление проповедничества, т.е. учительской миссии посредством стенописи. Примечательно, что в программе росписи достаточно выражена тема женской святости: речь идёт об изображениях семи мучениц в северо-западной каморе. Их количество позволяет (как нам уже приходилось это делать с осторожностью, размышляя об устройстве трапезной в северной пристройке) высказать предположение о смешанном характере Ковалёвского монастыря в ранний период.

Крайне редуцированный состав стенописи церкви Рождества Христова на Красном поле, который сводился к декорации верхней половины здания, тем не менее, включил в себя отдельную зону, специально посвящённую монашеской тематике. Это роспись западного рукава на хорах. Угловые палатки, по-видимому, изначально не были расписаны; более того, фрески лишь частично закрывают поверхности стен центральной ячейки хор. На южном склоне свода размещена большая композиция «Воскрешение Лазаря», которая вполне традиционна

для декорации западного рукава и вписывается в последовательность евангельских событий, развёрнутых в Рождественской церкви, однако в данном случае она актуализована устройством храма в монастыре на скудельнице, при большом городском кладбище. Напротив расположены сцены «Благовестие Захарии» и «Благовестие Иоакиму и Анне» (ил. 11), которые до сих пор не получили вразумительного истолкования в данной диспозиции. На наш взгляд, они состыкуются с господствующей в западной люнете фреской «Явление Пахомию ангела, вручающего ему монашеский устав». Тем самым, это событие – учреждение монашества – приравнивается к важнейшим Божественным откровениям, свершавшимся посредством ангела (ил. 12). Таким образом, градус значимости этой достаточно традиционной для монастырских храмов сцены резко повышается. И, наконец, фланкируют пространство центральной части хор фигуры двух великих основателей древних монастырей – Ефрема Сирина и Саввы Освященного – великолепные, выразительные образы-портреты, запечатлённые на смотрящих друг на друга гранях западных пилонов.

Ил. 12. Явление преп. Пахомию ангела, вручающего ему монашеский устав.
Роспись западного люнета церкви Рождества Христова на Красном поле. Ок. 1390

Чем же объяснить выраженный монашеский аспект росписи, поднятой на второй ярус? Прежде всего, напомним, что нижняя половина церкви, за исключением маленькой ниши жертвенника, росписей не имела и, видимо, с самого начала их не предполагала. Это обстоятельство, в свою очередь, могло быть обусловлено тем, что церковь Рождества Христова построена на огромном кладбище Торговой стороны, при скудельнице. То есть нижняя часть храма предназначалась для отпевания и собрания родственников усопшего. В такой ситуации монашеская братия имела возможность обособиться во время богослужения, только удалившись на хоры, которые и были для того устроены просторными и расписаны соответствующим образом.

К сожалению, мы ничего не можем сказать о программе росписи западной части руинированной церкви Михаило-Архангельского Сковородского монастыря, которая была задокументирована неизмеримо хуже других [Лифшиц 1987,

35–37, 514; Шаповалова 2016]. Но остаётся надежда, что исследование руин и архивные изыскания позволят хоть в малой степени продвинуться в этом направлении.

Подытоживая, отметим следующее:

(1) Внешние пристройки монастырских храмов Новгорода второй половины XIV века были трёх типов по своему назначению: во-первых, собственно притворы, примыкавшие к основному объёму с запада; во-вторых, полифункциональные, отождествляемые нами с трапезными со звонницами, с признаками древней росписи (Волотово), а также, возможно, использовавшиеся и в иных (хозяйственных) целях; в-третьих, приделы-усыпальницы.

(2) Наблюдается определённая эволюция по части постепенного редуцирования внешних пристроек и, напротив, увеличения западной части основного объёма, что делало весь архитектурный объём храма более компактным и целостным. Угловые компартименты на хорах в монастырских храмах (будь то изолированные помещения или более открытые боковые части хор) были связаны по своему архитектурному и художественному решению с идеей монашеской аскезы.

(3) Росписи притвора отличаются очевидной вариативностью и обнажают в этом приверженность различным традициям. Явно более «учёная» и стройная программа росписи притвора церкви Успения в архиепископском Волотове монастыре служила своего рода увертюрой к декорации основного объёма и точно соответствовала началу вечерней службы на храмовый праздник Успения, наследуя столичные традиции палеологовского ренессанса. Более демократичная программа притвора церкви Спаса в монастыре на Ковалёве, ктиторами которого были новгородские бояре, акцентировала всю глубину связи исцеления тела и души со Спасением во Христе, указывая на знакомство с традицией западных Балкан и на сплавленность с местной традицией.

(4) Несмотря на различие художественных традиций, декоративным программам притворов в обоих случаях (как на Ковалёве, так и на Волотове) в равной степени свойственно приготовление входящего в основной объём храма как в мир средоточия Премудрости. Количественный состав женских изображений в росписях притвора и западных компартиментов позволяет говорить о характере монастырей: в случае Волотова – мужском, Ковалёва – предположительно, смешанном.

(5) Особенность локализации монастырской тематики в росписи церкви Рождества Христова на хорах, на наш взгляд, обусловлена практической спецификой назначения этого храма в монастыре, обслуживавшем большое кладбище.

Библиография

- ААЭ 1836 – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археологической экспедицией Императорской Академии Наук. Т. 1. Санкт-Петербург, 1836.
- Андреев 1989 – Андреев В. Ф. Новый список семисоборной росписи Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 3 (13). Ленинград, 1989. С. 219–223.
- Анкудинов 2008 – Анкудинов И. Ю. Роспись Новгородских церквей 1615 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. 11 (21). Санкт-Петербург, 2008. С. 367–382.

- Бабић 1978 – *Бабић Г.* Иконографски програм живописа у припратама цркава краља Милутина // *Византијка уметност почетком XIV века*. Београд, 1978. С. 105–126.
- Вениамин 1999 – *Новая Скрижаль или Объяснение о церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных, Вениамина, архиепископа Нижегородского и Арзамасского. В четырёх частях*. Москва, 1999.
- Вздорнов 1989 – *Вздорнов Г. И.* Волоотово: Фрески церкви Успения на Волоотовом поле. Москва, 1989.
- Геров 2022 – *Геров Г. П.* Специфика росписей входных зон храма византийского ареала (XI–XIV вв.) // *Визуальная теология*. 2022. Т. 4. № 2. С. 227–255.
- Гордиенко 2017 – *Гордиенко Э. А.* Роспись церкви Успения на Волоотовом поле в системе богослужения // *Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания*. Санкт-Петербург, 2017. С. 283–295.
- Греков 1987 – *Греков А. П.* Фрески церкви Спаса Преображения на Ковалёве. Москва, 1987.
- Бурић 1985 – *Бурић С.* Љубостиња. Црква Успења Богородичиног. Београд, 1985.
- Дмитриева 2011 – *Дмитриева С. О.* Фрески храма Спаса Преображения на Ковалёве в Новгороде, 1380 года. Москва, 2011.
- Емченко 2000 – *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. Москва, 2000.
- Желтов 2019 – *Желтов М., свящ.* Панагия // *Православная энциклопедия*. Т. 54. Москва, 2019. С. 384–387.
- Заграевский 2010 – *Заграевский С. В.* О предназначении полатей (хор) в древнерусских храмах // *Материалы Межрегиональной краеведческой конференции*. Владимир, 2010. С. 182–195.
- Каргер 1961 – *Каргер М. К.* Новгород Великий. Москва, Ленинград, 1961.
- Красноречьев 1977 – *Красноречьев Л. Е.* О датировке волоотовских фресок // *Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции*. Москва, 1977. С. 149–152.
- Лисицын 1911 – *Лисицын М.* Первоначальный славяно-русский Типикон. Санкт-Петербург, 1911.
- Лифшиц 1987 – *Лифшиц Л. И.* Монументальная живопись Новгорода XIV–XV веков. Москва, 1987.
- Макарий 1860 – *Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. Москва, 1860.
- Малков 1980 – *Малков Ю. Г.* О роли балканской художественной традиции в древнерусской живописи XIV в. Некоторые аспекты творчества Феофана Грека // *Древнерусское искусство: Монументальная живопись XI–XVII вв.* Москва, 1980. С. 135–160.
- Мацулевич 1912 – *Мацулевич Л. А.* Церковь Успения Пресвятой Богородицы в Володове // *Памятники древнерусского искусства*. Вып. 4. Санкт-Петербург, 1912. С. 1–34.
- Милонас 1995 – *Милонас П.* Заметки об архитектуре Афона // *Древнерусское искусство: Балканы, Русь*. Санкт-Петербург, 1995. С. 7–81.
- НЛ 1879 – *Новгородские летописи* (Так называемые Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). Санкт-Петербург, 1879.
- Описи 2017 – *Описи имущества Сковородского монастыря XVIII–XX вв.* // *Новгородский архивный вестник*. Вып. 14. Великий Новгород, 2017. С. 117–129.
- Опись 1984 – *Памятники Отечественной истории*. Вып. 3: Опись Новгорода 1617 года. Москва, 1984.
- Орлова 2004 – *Орлова М. А.* Орнамент в монументальной живописи Древней Руси. Конец XIII – начало XVI века. Часть 1. Москва, 2004.

- Порфирьев 1877 – Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук. Т. XVII. Приложение 1. Санкт-Петербург, 1877.
- ПСРЛ 2000 а – Полное собрание русских летописей. Т. III: Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. Москва, 2000.
- ПСРЛ 2000 б – Полное собрание русских летописей. Т. IV. Часть I: Новгородская Четвёртая летопись. Москва, 2000.
- ПСРЛ 2000 в – Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. I: Софийская первая летопись старшего извода. Москва, 2000.
- ПСРЛ 2000 г – Полное собрание русских летописей. Т. XVI: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. Москва, 2000.
- Седов 1990 – Седов Вл. В. Об иконографии внутреннего пространства новгородских храмов XIII – начала XVI веков // История архитектуры. Москва, 1990. С. 102–127.
- Седов 1999 – Седов Вл. В. Собор Михаила Архангела Сковородского монастыря // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 5. История и культура древних и средневековых славян. Москва, 1999. С. 264–270.
- Седов 2000 – Седов Вл. В. Церковь Спаса-Преображения на Ковалёве // Общество историков архитектуры. Архив Архитектуры. XI. Новгородские древности. Вып. 5. Москва, 2000. С. 47–79.
- Секретарь 2011 – Секретарь Л. А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. Москва, 2011.
- Симеон 1856 – Сочинения блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Санкт-Петербург, 1856.
- Тодић 1988 – Тодић Б. Грачаница. Сликаство. Београд, Приштина, 1988.
- Трифенова 2002 – Трифенова А. Н. Церковь Успения на Волотовом поле под Новгородом: история изучения и реставрации (до 1944 г.) // Новгородский архивный вестник. Вып. 3. Великий Новгород, 2002. С. 12–51.
- Царевская 2007 – Царевская Т. Ю. Роспись церкви Феодора Стратилата на Ручью и её место в искусстве Византии и Руси второй половины XIV века. Москва, 2007.
- Шаповалова 2016 – Шаповалова А. М. Материалы для изучения фресок церкви Архангела Михаила Сковородского монастыря в Великом Новгороде из Отдела древнерусского искусства и Отдела рукописей Русского музея // Страницы истории отечественного искусства. Санкт-Петербург, 2016. С. 79–86.
- Янин 1976 – Янин В. Л. Семисоборная роспись Новгорода // Средневековая Русь. Москва, 1976. С. 108–117.
- Ćurčić 2006 – Ćurčić S. Monastic Cells in Medieval Serbian Church Towers. Survival of an Early Byzantine Monastic Concept and Its Meaning // ΣΟΦΙΑ. Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А. И. Комеча. Москва, 2006. С. 491–514.
- Tomeković 1988 – Tomeković S. Contribution à l'étude du programme du narthex des églises monastiques (XIe – première moitié du XIIIe siècle). *Byzantion*. 1988. T. 68. Pp. 140–154.
- Tomeković 1989 – Tomeković S. Place des saints eremites et moines dans le décor de l'église byzantine. *Liturgie, conversion et vie monastique*. Roma, 1989. Pp. 307–331.

References

AAE 1836 – Acts Collected in Libraries and Archives of the Russian Empire by the Archaeological Expedition of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 1. St. Petersburg, 1836. In Russian.

- Andreev 1989 – Andreev V. F. A New List of the Seven-Cathedral Inventory of Novgorod. *Novgorod Historical Collection*. 3 (13). Leningrad, 1989. Pp. 219–223. In Russian.
- Ankudinov 2008 – Ankudinov I. Y. Inventory of Novgorod Churches in 1615. *Novgorod Historical Collection*. 11 (21). St. Petersburg, 2008. Pp. 367–382. In Russian.
- Babić 1978 – Babić G. Iconographic Program of Paintings of the Vestibules of the Churches of King Milutin. *Byzantine Art of the Early 14th Century*. Belgrade, 1978. Pp. 105–126. In Serbian.
- Benjamin 1999 – The New Tablet or Explanation about the Church, about the Liturgy, and about all Services and Church Utensils, by Archbishop Benjamin. In 4 parts. Moscow, 1999. In Russian.
- CCRC 2000 a – Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 3. Moscow, 2000. In Russian.
- CCRC 2000 b – Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 4. 1. Moscow, 2000. In Russian.
- CCRC 2000 c – Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 6. 1. Moscow, 2000. In Russian.
- CCRC 2000 d – Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 16. Moscow, 2000. In Russian.
- Čurčić 2006 – Čurčić S. Monastic Cells in Medieval Serbian Church Towers. Survival of an Early Byzantine Monastic Concept and Its Meaning. *ΣΟΦΙΑ (Sophia). Collection of Articles on the Art of Byzantium and Old Russia in Honor of A. I. Komech*. Moscow, 2006. Pp. 491–514.
- Dmitrieva 2011 – Dmitrieva S. O. Frescoes of the Savior Transfiguration Church on Kovalevo in Novgorod, 1380. Moscow, 2011. In Russian.
- Đurić 1985 – Đurić S. Lyubostinya. Church of the Assumption of the Virgin Mary. Belgrade, 1985. In Serbian.
- Emchenko 2000 – Emchenko E. B. Stoglav (The Book of One Hundred Chapters): Research and Text. Moscow, 2000. In Russian.
- Gerov 2022 – Gerov G. P. The Specificity of the Entrance Zones Murals in the Byzantine Area Churches (11th–14th Centuries). *Journal of Visual Theology*. 2022. Vol. 4. 2. Pp. 227–255. In Russian.
- Gordienko 2017 – Gordienko E. A. Painting of the Assumption Church on the Volotovo Field in the System of Worship. *Slavic Bible in the Era of Early Printing*. St. Petersburg, 2017. Pp. 283–295. In Russian.
- Grekov 1987 – Grekov A. P. Frescoes of the Savior Transfiguration Church on Kovalevo. Moscow, 1987. In Russian.
- Inventories 2017 – Inventories of the Property of the Skovorodsky Monastery of the 18th – 20th Centuries. *Novgorod Archival Bulletin*. 14. Veliky Novgorod, 2017. Pp. 117–129. In Russian.
- Inventory 1984 – Monuments of National History. 3. Inventory of Novgorod in 1617. Moscow, 1984. In Russian.
- Karger 1961 – Karger M. K. Novgorod the Great. Moscow, Leningrad, 1961. In Russian.
- Krasnorechiev 1977 – Krasnorechiev L. E. On the Dating of the Volotovo Frescoes. *Old Russian Art: Problems and Attribution*. Moscow, 1977. Pp. 149–152. In Russian.
- Lifshits 1987 – Lifshits L. I. Monumental Painting in Novgorod in the 14th – 15th Centuries. Moscow, 1987. In Russian.
- Lisitsyn 1911 – Lisitsyn M. The Original Slavic-Russian Typicon. St. Petersburg, 1911. In Russian.
- Macarius 1860 – Macarius (Mirolyubov), archimandrite. Archaeological Description of Church Antiquities in Novgorod and Its Environs. Part 1. Moscow, 1860. In Russian.
- Malkov 1980 – Malkov Yu. G. On the Role of the Balkan Artistic Tradition in Old Russian Painting of the 14th Century. Some Aspects of the Creativity of Theophanes the Greek. *Old Russian Art: Monumental Painting of the 11th – 17th Centuries*. Moscow, 1980. Pp. 135–160. In Russian.
- Matsulevich 1912 – Matsulevich L. A. The Assumption of Blessed Virgin Mary Church in Volotovo. *Monuments of Old Russian Art*. 4. St. Petersburg, 1912. Pp. 1–34. In Russian.

- Mylonas 1995 – Mylonas P. Some Essays on the Architecture of Mount Athos. Transl. into Russian. *Old Russian Art: Balkans. Rus'.* St. Petersburg, 1995. Pp. 7–81. In Russian.
- NC 1879 – The Novgorod Chronicles (The So-Called Novgorod Second and Novgorod Third Chronicles). St. Petersburg, 1879. In Russian.
- Orlova 2004 – Orlova M. A. Ornament in Monumental Painting of Old Russia. The End of the 13th – The Beginning of the 16th Century. Vol. 1. Moscow, 2004. In Russian.
- Porfiryev I. Ya. Apocryphal Tales about Old Testament Persons and Events According to the Manuscripts of the Solovetsky Library. *Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Academy of Sciences.* Vol. 17. App. 1. St. Petersburg, 1877. In Russian.
- Secretar 2011 – Secretar L. A. Monasteries of Veliky Novgorod and the Surrounding Area. Moscow, 2011. In Russian.
- Sedov 1990 – Sedov V. V. On the Iconography of the Inner Space of Novgorod Churches of the 13th – early 16th Centuries. *History of Architecture.* Moscow, 1990. Pp. 102–127. In Russian.
- Sedov 1999 – Sedov V. V. Cathedral of Michael the Archangel of the Skovorodsky Monastery. *Proceedings of the VI International Congress of Slavic Archaeology.* Vol. 5. Moscow, 1999. Pp. 264–270. In Russian.
- Sedov 2000 – Sedov V. V. The Savior Transfiguration Church on Kovalevo. *Society of Architectural Historians. Archive of Architecture.* XI. 5. Moscow, 2000. Pp. 47–79. In Russian.
- Shapovalova 2016 – Shapovalova A. M. Materials for the Study of Frescoes of the Archangel Michael Church of the Skovorodsky Monastery in Veliky Novgorod from the Department of Old Russian Art and the Department of Manuscripts of the Russian Museum. *Pages of the History of National Art.* St. Petersburg, 2016. Pp. 79–86. In Russian.
- Simeon 1856 – The Writings of Blessed Simeon, Archbishop of Thessalonica, Relating to the Interpretation of Orthodox Divine Service. St. Petersburg, 1856. In Russian.
- Todih 1988 – Todih B. Gračanica. Slikarstvo. Beograd, Pristina, 1988. In Serbian.
- Tomeković 1988 – Tomeković S. Contribution à l'étude du programme du narthex des églises monastiques (XIe – première moitié du XIIIe siècle). *Byzantion.* 1988. T. 68. Pp. 140–154.
- Tomeković 1989 – Tomeković S. Place des saints eremites et moines dans le décor de l'église byzantine. *Liturgie, conversion et vie monastique.* Roma, 1989. Pp. 307–331.
- Trifonova 2002 – Trifonova A. N. The Assumption Church on the Volotovo Field Near Novgorod: The History of Study and Restoration (before 1944). *Novgorod Archival Bulletin.* 3. Veliky Novgorod, 2002. Pp. 12–51. In Russian.
- Tsarevskaya 2007 – Tsarevskaya T. Yu. Painting of the Theodore Stratelates Church on the Stream and Its Place in the Art of Byzantium and Russia of the Second Half of the 14th Century. Moscow, 2007. In Russian.
- Vzdornov 1989 – Vzdornov G. I. Volotovo. Frescoes of the Assumption Church on the Volotovo Field. Moscow, 1989. In Russian.
- Yanin 1976 – Yanin V. L. The Seven-Cathedral Inventory. *Medieval Russia.* Moscow, 1976. Pp. 108–117. In Russian.
- Zagraevsky 2010 – Zagraevsky S. V. On the Purpose of Sleeping Platforms (Choir) in Ancient Russian Churches. *Proceedings of the Interregional Regional Studies Conference.* Vladimir, 2010. Pp. 182–195. In Russian.
- Zheltoy 2019 – Zheltoy M., priest. Panagia. *The Orthodox Encyclopedia.* Vol. 54. Moscow, 2019. Pp. 384–387. In Russian.

Информация об авторе

Татьяна Юрьевна Царевская

доктор искусствоведения,

ведущий научный сотрудник сектора древнерусского искусства

Государственный институт искусствознания

Российская Федерация, 125375, Москва, Козицкий переулок, 5

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0774-9474>

e-mail: tsarevskaya_t@mail.ru

Information about the author

Tatiana Yu. Tsarevskaya

Dr. Sci. (Art History)

Leading Research Fellow of Old Russian Art Department

State Institute for Art Studies

5, Kozitsky Lane, Moscow, 125375, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0774-9474>

e-mail: tsarevskaya_t@mail.ru

Материал поступил в редакцию / Received 21.09.2024

Принят к публикации / Accepted 29.10.2024